Александр Пушкин

ГЛАВНЫЕ КНИГИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Евгений Онегин

Первый русский роман в стихах. Галерея вечных русских характеров. Энциклопедия русской жизни

Повести покойного Ивана Петровича Белкина

Дебют Пушкина в прозе. Безыскусные повести об игре случая, где автор прячется за литературными масками

Пиковая дама

Виртуозно построенная повесть: готический ужас, инкарнация Наполеона и притча о том, как алчность и мономания порабощают человека

альпина ПРОЗА ПОЛКА

Александр Сергеевич Пушкин

Евгений Онегин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Пиковая дама

Серия «Главные книги русской литературы (Альпина)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70271461
Евгений Онегин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Пиковая дама: Альпина Паблишер; Москва; 2024
ISBN 9785961492231

Аннотация

«Евгений Онегин» – первый русский роман в стихах. Новая модель литературы как легкого разговора обо всем. Галерея вечных русских характеров. Революционная для своей эпохи история любви, ставшая архетипом романтических отношений на много поколений вперед. Энциклопедия русской жизни. Наше все.

«Повести Белкина» – дебют Пушкина в прозе. Безыскусные повести об игре случая, где автор прячется за литературными

масками. Современники «Повести Белкина» не оценили, потомки увидели в них начало великой русской прозы.

«Пиковая дама» – виртуозно построенная повесть Пушкина: готический ужас, инкарнация Наполеона и притча о том, как алчность и мономания порабощают человека.

О серии

«Главные книги русской литературы» – совместная серия издательства «Альпина. Проза» и интернет-проекта «Полка». Произведения, которые в ней выходят, выбраны современными писателями, критиками, литературоведами, преподавателями. Это и попытка определить, как выглядит сегодня русский литературный канон, и новый взгляд на известные произведения: каждую книгу сопровождает подробная статья авторов «Полки».

Содержание

Евгений Онегин 14
Предисловие «Полки» 14
О чем эта книга? 16
Когда она написана? 19
Как она написана? 21
Что на нее повлияло? 25
Как она была опубликована? 27
Как ее приняли? 28
Что было дальше? 31
Как «Онегин» повлиял на русскую литературу? 34
Что такое «Онегинская строфа»? 37
Чем интересны в романе второстепенные персонажи? 41
Когда происходят описанные в романе события и сколько лет героям? 43
Как текст «Онегина», который мы знаем сегодня, соотносится с тем, который читали современники Пушкина? 47
А что же теперь, когда опубликованы рукописи романа, нам делать с пропущенными строфами: Нужно ли их восстанавливать в основном тексте? 50

Была ли в «Евгении Онегине» так называемая десятая глава? 54
Об «онегине» составляют целые тома комментариев. Зачем их читать? 56
Какие комментарии к «Евгению Онегину» наиболее известны? 60
Какие сценические и экранные версии «Онегина» наиболее соответствуют оригиналу? 68
Конец ознакомительного фрагмента. 71
Комментарии

Александр Пушкин
Евгений Онегин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Пиковая дама

Текст печатается по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 19 томах. Т. 6; 8, кн. 1. – М.: Воскресенье, 1995.

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *А. Василенко*
Корректоры *А. Кондратова, М. Смирнова*
Компьютерная верстка *К. Свищёв*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого элек-

тронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Пильщиков И., предисловие, 2022
© Сухих И., предисловие, 2022
© Оборин Л., предисловие, 2022
© ООО «Альпина Паблишер», 2024

* * *

Александр Пушкин

Евгений Онегин
Повести Белкина
Пиковая дама

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2024

Портрет Александра Сергеевича Пушкина.
Василий Тропинин. *1827 год*[1]

[1] Василий Тропинин. Портрет Александра Сергеевича Пушкина. 1827 год. Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург.

Евгений Онегин
Роман в стихах

Предисловие «Полки»

Первый русский роман в стихах. Новая модель литературы как легкого разговора обо всем. Галерея вечных русских характеров. Революционная для своей эпохи история любви, ***Пиковая дама***

Игорь Пильщиков

О чем эта книга?

Столичный повеса Евгений Онегин, получив наследство, уезжает в деревню, где знакомится с поэтом Ленским, его невестой Ольгой и ее сестрой Татьяной. Татьяна влюбляется в Онегина, но он не отвечает ей взаимностью. Ленский, приревновав невесту к другу, вызывает Онегина на дуэль и гибнет. Татьяна выходит замуж и становится великосветской дамой. Теперь уже Евгений в нее влюбляется, но Татьяна сохраняет верность мужу. В этот момент автор прерывает повествование – «роман оканчивается ничем»[1].

Александр Пушкин. Около 1830 года[2]

Хотя сюжет «Евгения Онегина» небогат событиями, роман оказал огромное воздействие на русскую словесность. Пушкин вывел на литературную авансцену социально-психологические типажи, которые будут занимать читателей и писателей нескольких последующих поколений. Это «лишний человек», (анти)герой своего времени, скрывающий свое истинное лицо за маской холодного эгоиста (Онегин); наивная провинциальная девушка, честная и открытая, готовая на самопожертвование (Татьяна в начале романа); поэт-мечтатель, гибнущий при первом столкновении с реальностью (Ленский); русская женщина, воплощение изящества, ума и аристократического достоинства (Татьяна в конце романа). Это, наконец, целая галерея характерологических портретов, представляющих русское дворянское общество во всем его разнообразии (циник Зарецкий, «старики» Ларины, провинциальные помещики, московские баре, столичные франты и многие, многие другие).

[2] Александр Пушкин. Около 1830 года. Государственный музей А. С. Пушкина.

Когда она написана?

Роман писался восемь с половиной лет: с 9 мая 1823-го по 5 октября 1831 года.

Две первых главы и начало третьей написаны в «южной ссылке» (в Кишиневе и Одессе) с мая 1823-го по июль 1824 года. Пушкин настроен скептически и критически к существующему порядку вещей. Первая глава – сатира на современное дворянство; при этом Пушкин сам, подобно Онегину, ведет себя вызывающе и одевается как денди. Одесские и (в меньшей степени) молдавские впечатления отразились в первой главе романа и в «Путешествии Онегина».

Центральные главы романа (с третьей по шестую) окончены в «северной ссылке» (в псковском родовом имении – селе Михайловском) в период с августа 1824-го по ноябрь 1826 года. Пушкин испытал на себе (и описал в главе четвертой) скуку жизни в деревне, где зимой нет никаких развлечений, кроме книг, выпивки и катания в санях. Главное удовольствие – общение с соседями (у Пушкина это семейство Осиповых-Вульф, проживавших в имении Тригорском неподалеку от Михайловского). Так же проводят время герои романа.

Новый император Николай I вернул поэта из ссылки. Теперь Пушкин постоянно бывает в Москве и Петербурге. Он «суперзвезда», самый модный поэт России. Седьмая (мос-

ковская) глава, начатая в августе–сентябре 1827 года, была окончена и переписана 4 ноября 1828 года.

Но век моды недолог, и к 1830 году популярность Пушкина сходит на нет. Утратив внимание современников, за три месяца Болдинской осени (сентябрь–ноябрь 1830-го) он напишет десятки произведений, составивших его славу у потомков. Помимо прочего, в нижегородском родовом имении Пушкиных Болдине завершены «Путешествие Онегина» и восьмая глава романа, а также частично написана и сожжена так называемая десятая глава «Евгения Онегина».

Почти год спустя, 5 октября 1831 года, в Царском Селе написано письмо Онегина. Книга готова. В дальнейшем Пушкин только перекомпоновывает текст и редактирует отдельные строфы.

Как она написана?

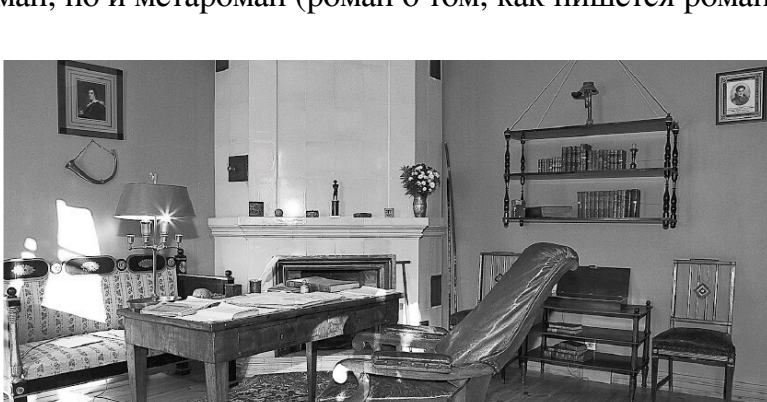
«Евгений Онегин» концентрирует главные тематические и стилистические находки предшествующего творческого десятилетия: тип разочарованного героя напоминает о романтических элегиях и поэме «Кавказский пленник», обрывочная фабула – о ней же и о других «южных» («байронических») поэмах Пушкина, стилистические контрасты и авторская ирония – о поэме «Руслан и Людмила», разговорная интонация – о дружеских стихотворных посланиях поэтов-арзамасцев[3].

При всем том роман абсолютно антитрадиционен. В тексте нет ни начала (ироническое «вступление» находится в конце седьмой главы), ни конца: за открытым финалом следуют отрывки из «Путешествия Онегина», возвращающие читателя сначала в середину фабулы, а затем, в последней строчке, – к моменту начала работы автора над текстом («Итак я жил тогда в Одессе…»). В романе отсутствуют традиционные признаки романного сюжета и привычные герои:

---

[3] «Арзамас» – литературный кружок, существовавший в Петербурге в 1815–1818 годах. Его членами были как поэты и писатели (Пушкин, Жуковский, Батюшков, Вяземский, Кавелин), так и политические деятели. Арзамасцы выступали против консервативной политики и архаичных литературных традиций. Отношения внутри кружка были дружескими, а собрания были похожи на веселые посиделки. Для поэтов-арзамасцев излюбленным жанром было дружеское послание, ироничное стихотворение, полное намеков, понятных только адресатам.

«Все виды и формы литературности обнажены, открыто явлены читателю и иронически сопоставлены друг с другом, условность любого способа выражения насмешливо продемонстрирована автором»[2]. Вопрос «Как писать?» волнует Пушкина не меньше, чем вопрос «О чем писать?». Ответом на оба вопроса становится «Евгений Онегин». Это не только роман, но и метароман (роман о том, как пишется роман).

Кабинет Пушкина в музее-усадьбе «Михайловское»[4]

Обойтись без захватывающего сюжета Пушкину помогает стихотворная форма («…я теперь пишу не роман, а ро-

[4] Кабинет Пушкина в музее-усадьбе «Михайловское». Дом Пушкиных. Государственный музей-заповедник «Михайловское». ©Shutterstock.

ман в стихах – дьявольская разница»[3]). Особую роль в конструкции текста приобретает автор-повествователь, который своим постоянным присутствием мотивирует бесчисленные отступления от основной интриги. Такие отступления принято именовать лирическими, но в реальности они оказываются самыми разными – лирическими, сатирическими, литературно-полемическими, какими угодно. Автор говорит обо всем, о чем сочтет нужным («Роман требует болтовни»[4]), – и повествование движется при почти неподвижном сюжете.

Пушкинскому тексту свойственны множественность точек зрения, выражаемых автором-повествователем и персонажами, и стереоскопическое совмещение противоречий, возникающих при столкновении различных взглядов на один и тот же предмет. Оригинален или подражателен Евгений? Какое будущее ждало Ленского – великое или заурядное? На все эти вопросы в романе даны разные, причем взаимоисключающие ответы. «За таким построением текста лежало представление о принципиальной невместимости жизни в литературу», а открытый финал символизировал «неисчерпаемость возможностей и бесконечной вариативности действительности»[5]. Это было новшеством: в романтическую эпоху точки зрения автора и повествователя обычно сливались в едином лирическом «я», а другие точки зрения корректировались авторской.

«Онегин» – радикально новаторское произведение в от-

ношении не только композиции, но и стиля. В своей поэтике Пушкин синтезировал основополагающие черты двух антагонистических литературных направлений начала XIX века – младокарамзинизма и младоархаизма. Первое направление ориентировалось на средний стиль и разговорную речь образованного общества, было открыто новоевропейским заимствованиям. Второе соединяло высокий и низкий стили, опиралось, с одной стороны, на книжно-церковную литературу и одическую традицию XVIII века, с другой – на народную словесность. Отдавая предпочтение тем или иным языковым средствам, зрелый Пушкин не руководствовался внешними эстетическими нормативами, а делал свой выбор исходя из того, как работают эти средства в рамках конкретного замысла. Новизна и необычность пушкинского стиля поражали современников – а мы с детства к нему привыкли и нередко не чувствуем стилистических контрастов, а тем более стилистических нюансов. Отказавшись от априорного деления стилистических регистров на «низкие» и «высокие», Пушкин не только создал принципиально новую эстетику, но и решил важнейшую культурную задачу – синтез языковых стилей и создание нового национального литературного языка.

Что на нее повлияло?

«Евгений Онегин» опирался на широчайшую европейскую культурную традицию от французской психологической прозы XVII–XVIII веков до современной Пушкину романтической поэмы, в том числе на опыты пародийной литературы, «остраняющей»[5] литературный стиль (от французской и русской ироикомической[6] и бурлескной[7] поэзии до байроновского «Дон Жуана») и сюжетное повествование (от Стерна до Гофмана и того же Байрона). От ироикомики «Евгений Онегин» унаследовал игровое столкновение стилей и пародирование элементов героического эпоса (таково, например, «вступление», имитирующее зачин классической эпопеи). От Стерна и стернианцев унаследованы переставленные главы и пропущенные строфы, беспрестанное отвле-

---

[5] Остранение – литературный прием, превращающий привычные вещи и события в странные, будто увиденные в первый раз. Остранение позволяет воспринимать описываемое не автоматически, а более осознанно. Термин введен литературоведом Виктором Шкловским.

[6] Ироикомическая поэзия – пародия на эпическую поэзию: высоким штилем здесь описывается бытовая жизнь с попойками и драками. Среди характерных примеров русских ироикомических поэм – «Елисей, или Раздраженный Вакх» Василия Майкова, «Опасный сосед» Василия Пушкина.

[7] В бурлескной поэзии комический эффект строится на том, что грубым и вульгарным языком говорят эпические герои и боги. Если изначально ироикомическая поэзия, где о низком говорилось высоким слогом, противопоставлялась бурлеску, то к XVIII веку оба вида поэзии воспринимались как один шуточный жанр.

чение от основной фабульной нити, игра с традиционным сюжетосложением: завязка и развязка отсутствуют, а ироикомическое «вступление» по-стерниански перенесено в главу седьмую. От Стерна и от Байрона – лирические отступления, занимающие едва ли не половину романного текста.

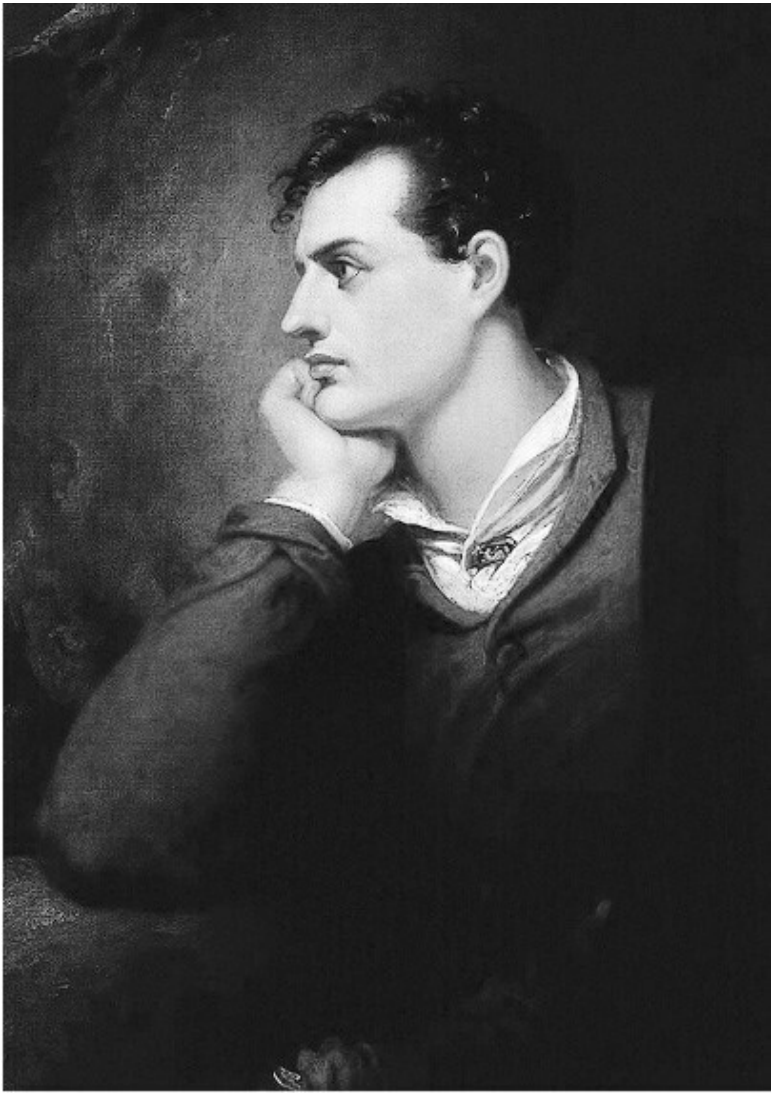
Как она была опубликована?

Первоначально роман печатался сериально, поглавно – с 1825 по 1832 год. Помимо целых глав, выходивших отдельными книжками, в альманахах, журналах и газетах появлялись, как мы бы сейчас сказали, тизеры – небольшие фрагменты романа (от нескольких строф до десятка страниц).

Первое сводное издание «Евгения Онегина» было напечатано в 1833 году. Последнее прижизненное издание («Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Издание третие») вышло в свет в январе 1837 года, за полторы недели до гибели поэта.

Как ее приняли?

По-разному, в том числе в ближайшем окружении поэта. В 1828 году Баратынский писал Пушкину: «Вышли у нас еще две песни “Онегина”. Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят, и все читают. Я очень люблю обширный план твоего “Онегина”; но большее число его не понимает». Лучшие критики писали о «пустоте содержания» романа (Иван Киреевский), заявляли, что эта «блестящая игрушка» не может иметь «притязаний ни на единство содержания, ни на цельность состава, ни на стройность изложения» (Николай Надеждин), находили в романе «недостаток связи и плана» (Борис Федоров), «множество беспрерывных отступлений от главного предмета» в нем считали «утомительным» (он же) и, наконец, приходили к выводу, что поэт «повторяет сам себя» (Николай Полевой), а последние главы знаменуют «совершенное падение» пушкинского таланта (Фаддей Булгарин).

Ричард Уэстолл. Джордж Гордон Байрон. 1813 год. Национальная портретная галерея, Лондон[8]

В общем, «Онегина» приняли так, что Пушкин отказался от мысли продолжать роман: он «свернул его оставшуюся часть до одной главы, а на претензии зоилов ответил “Домиком в Коломне”, весь пафос которого – в утверждении абсолютной свободы творческой воли»[6].

[8] Ричард Уэстолл. Джордж Гордон Байрон. 1813 год. Национальная портретная галерея, Лондон. Wikimedia Commons.

Что было дальше?

Одним из первых «огромное историческое и общественное значение» «Евгения Онегина» осознал Белинский [7]. В 8-й и 9-й статьях (1844–1845) так называемого пушкинского цикла (формально это была очень развернутая рецензия на первое посмертное издание сочинений Пушкина) он выдвигает и обосновывает тезис о том, «что “Онегин” есть поэтически верная действительности картина русского общества в известную эпоху»[8], а потому «“Онегина” можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением»[9].

Двадцать лет спустя ультралевый радикал Дмитрий Писарев в статье «Пушкин и Белинский» (1865) призвал кардинально пересмотреть эту концепцию: по мнению Писарева, Ленский – бессмысленный «идеалист и романтик», Онегин с начала до конца романа «остается ничтожнейшим пошляком», Татьяна – просто дура (в ее голове «количество мозга было весьма незначительное» и «это малое количество находилось в самом плачевном состоянии»[10]). Вывод: вместо того, чтобы работать, герои романа занимаются ерундой. Писаревское прочтение «Онегина» высмеял Дмитрий Минаев в блистательной пародии «Евгений Онегин нашего времени» (1865), где главный герой представлен бородатым нигилистом – чем-то вроде тургеневского Базарова.

Еще через полтора десятилетия Достоевский в своей «пушкинской речи» (1880) выдвинул третью (условно «почвенническую») интерпретацию романа. Достоевский согласен с Белинским в том, что в «Евгении Онегине» «воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина»[11]. Так же, как для Белинского, считавшего, что Татьяна воплощает «тип русской женщины»[12], Татьяна для Достоевского – «это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины», «это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его»[13]. В отличие от Белинского Достоевский полагал, что Онегин вообще не годится в герои: «Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы»[14].

Отрывки из «Онегина» начали включаться в учебные хрестоматии еще с 1843 года[15]. К концу XIX века складывается гимназический канон, выделивший «главные» художественные произведения 1820–1840-х годов, – в этом ряду обязательное место занимают «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени» и «Мертвые души». Советские школьные программы в этом отношении продолжают дореволюционную традицию – варьируется лишь интерпретация, но и она в конечном счете так или иначе базируется на концепции Белинского. А пейзажно-календарные фраг-

менты «Онегина» заучиваются наизусть с младших классов как фактически самостоятельные, идеологически нейтральные и эстетически образцовые произведения («Зима! Крестьянин, торжествуя…», «Гонимы вешними лучами…», «Уж небо осенью дышало…» и др.).

Как «Онегин» повлиял на русскую литературу?

«Евгений Онегин» быстро становится одним из ключевых текстов русской литературы. Проблематика, фабульные ходы и нарративные приемы многих русских романов и повестей прямо восходят к пушкинскому роману: главный герой как «лишний человек», не имеющий возможности найти в жизни применения своим недюжинным талантам; героиня, нравственно превосходящая главного героя; контрастная «парность» персонажей; даже дуэль, в которую ввязывается герой. Это тем более поразительно, что «Евгений Онегин» – это «роман в стихах», а в России с середины 1840-х годов наступает полувековая эпоха прозы.

Еще Белинский отметил, что «Евгений Онегин» имел «огромное влияние и на современную… и на последующую русскую литературу»[16]. Онегин, подобно лермонтовскому Печорину, есть «герой нашего времени», и, наоборот, Печорин – «это Онегин нашего времени»[17]. Лермонтов открыто указывает на эту преемственность с помощью антропонимики: фамилия Печорина образована от названия северной реки Печоры, точно так же, как фамилии антиподов Онегина и Ленского – от названий расположенных очень далеко одна от другой северных рек Онеги и Лены.

Более того, сюжет «Евгения Онегина» явно повлиял

на лермонтовскую «Княжну Мери». По словам Виктора Виноградова, «пушкинских героев сменили герои нового времени. ‹…› Потомок Онегина – Печорин разъеден рефлексией. Он уже не способен отдаться даже запоздалому чувству любви к женщине с той непосредственной страстностью, как Онегин. Пушкинскую Таню сменила Вера, которая все-таки изменила мужу, предавшись Печорину»[18]. Двум парам героев и героинь (Онегин и Ленский; Татьяна и Ольга) соответствуют две аналогичные пары (Печорин и Грушницкий; Вера и княжна Мери); между героями происходит дуэль. У Тургенева в «Отцах и детях» воспроизводится отчасти похожий комплекс персонажей (антагонисты Павел Кирсанов и Евгений Базаров; сестры Катерина Локтева и Анна Одинцова), но дуэль приобретает откровенно травестийный характер. Поднятая в «Евгении Онегине» тема «лишнего человека» проходит через все важнейшие произведения Тургенева, которому, собственно, и принадлежит этот термин («Дневник лишнего человека», 1850).

«Евгений Онегин» – первый русский метароман, создавший особую традицию. В романе «Что делать?» Чернышевский рассуждает о том, как найти сюжет для романа и выстроить его композицию, а пародийный «проницательный читатель» Чернышевского живо напоминает пушкинского «читателя благородного», к которому иронически обращается автор-повествователь. «Дар» Набокова – это роман о поэте Годунове-Чердынцеве, который сочиняет стихи, желая

писать как боготворимый им Пушкин, и одновременно вынужден работать над биографией ненавидимого им Чернышевского. У Набокова, так же как впоследствии у Пастернака в романе «Доктор Живаго», стихи пишет герой, не равный автору – прозаику и поэту. Точно так же в «Евгении Онегине» Пушкин пишет стихотворение Ленского: это пародийное стихотворение, написанное в поэтике Ленского (персонажа), а не Пушкина (автора).

Что такое «Онегинская строфа»?

Все поэмы Пушкина, созданные до 1830 года, написаны астрофическим[9] ямбом. Исключение – «Онегин», первое крупное произведение, в котором поэт опробовал строгую строфическую форму.

Каждая строфа «помнит» о своих предшествующих употреблениях: октава неминуемо отсылает к итальянской поэтической традиции, спенсерова строфа[10] – к английской. Видимо, поэтому Пушкин не захотел воспользоваться готовой строфической структурой: необычное содержание требует необычной формы.

Для своего главного произведения Пушкин изобрел уникальную строфу, не имевшую прямых прецедентов в мировой поэзии. Вот формула, записанная самим автором: «4 croisés, 4 de suite, 1.2.1. et deux». То есть: четверостишие перекрестной рифмовки[11], четверостишие смежной рифмовки[12], четверостишие опоясывающей рифмовки[13] и заключи-

---

[9] Не разбитым на строфы.

[10] Девятистрочная строфа: восемь стихов в ней написаны пятистопным ямбом, а девятый – шестистопным. Названа в честь английского поэта Эдмунда Спенсера, который ввел эту строфу в поэтическую практику.

[11] Наиболее употребляемый вид рифмовки в четверостишии, строки рифмуются через одну (abab).

[12] Здесь рифмуются смежные строки: первая со второй, третья с четвертой (aabb). Такой вид рифмовки наиболее распространен в русской народной поэзии.

тельное двустишие. Возможные строфические образцы: одна из разновидностей одической[14] строфы[19] и сонет[20].

Первая рифма строфы – женская[15], заключительная – мужская[16]. Женские рифменные пары не следуют за женскими, мужские за мужскими (правило альтернанса). Размер – четырехстопный ямб, самая распространенная метрическая форма в поэтической культуре пушкинского времени.

Формальная строгость лишь оттеняет выразительность и гибкость поэтической речи: «Часто первое четверостишие задает тему строфы, второе ее развивает, третье образует тематический поворот, а двустишие дает четко сформулированное разрешение темы»[21]. Заключительные двустишия нередко содержат остроты и напоминают тем самым краткие эпиграммы. При этом следить за развитием сюжета можно, читая одни только первые четверостишия[22].

На фоне такой строгой урегулированности эффектно выделяются отступления. Во-первых, это вкрапления иных метрических форм: письма героев друг к другу, написанные астрофическим четырехстопным ямбом, и песня девушек,

---

[13] В этом случае первая строка рифмуется с четвертой, а вторая с третьей (abba). Первая и четвертая строки как бы опоясывают четверостишие.

[14] Строфа из десяти строк, строки подразделяются на три части: в первой – четыре строки, во второй и третьей – по три. Способ рифмовки – abab ccd eed. Как и следует из названия, в русской поэзии использовалась по преимуществу для написания од.

[15] Рифма с ударением на предпоследнем слоге.

[16] Рифма с ударением на последнем слоге.

написанная трехстопным хореем с дактилическими[17] окончаниями. Во-вторых, это редчайшие (и оттого очень выразительные) пары строф, где фраза, начатая в одной строфе, завершается в следующей. Например, в главе третьей:

Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью
И задыхаясь, на скамью
XXXIX.
Упала…

Межстрофный перенос метафорически изображает падение героини на скамейку после долгого бега[23]. Тот же прием использован в описании смерти Ленского, который падает, убитый выстрелом Онегина.

Помимо многочисленных пародий на «Онегина», позднейшие образцы онегинской строфы включают оригинальные произведения. Однако эту строфу оказалось невозможно использовать без прямых отсылок к пушкинскому тексту. Лермонтов в первой же строфе «Тамбовской казначей-

[17] Рифма с ударением на третьем от конца слоге.

ши» (1838) заявляет: «Пишу Онегина размером». Вячеслав Иванов в стихотворном вступлении к поэме «Младенчество» (1913–1918) оговаривается: «Размер заветных строф приятен», а первую строчку первой строфы начинает словами: «Отец мой был из нелюдимых…» (как в «Онегине»: «Мой дядя самых честных правил…»). Игорь Северянин сочиняет «роман в строфах» (!) под заглавием «Рояль Леандра» (1925), и в стихотворном вступлении объясняется: «Пишу онегинской строфой».

Были попытки варьировать пушкинскую находку: «В порядке соперничества изобретались и другие строфы, подобные онегинской. Почти тотчас вслед за Пушкиным Баратынский написал свою поэму “Бал” тоже четырнадцатистишиями, но другого строения… А в 1927 году В. Набоков написал “Университетскую поэму”, перевернув порядок рифмовки онегинской строфы от конца к началу»[24]. Набоков на этом не остановился: последний абзац «Дара» только выглядит прозаическим, а на деле представляет собой записанную в строчку онегинскую строфу.

Чем интересны в романе второстепенные персонажи?

Места действия романа меняются от главы к главе: Санкт-Петербург (новая европейская столица) – деревня – Москва (национально-традиционный патриархальный центр) – юг России и Кавказ. Персонажи удивительным образом варьируются в соответствии с топонимикой.

Филолог Максим Шапир, проанализировав систему именования персонажей в пушкинском романе, показал, что они разбиты на несколько категорий. «Степные» помещики – персонажи сатирические – наделены говорящими именами (Пустяков, Петушков, Буянов и т. п.). Московских бар автор называет без фамилий, только по имени и отчеству (Лукерья Львовна, Любовь Петровна, Иван Петрович, Семен Петрович и т. д.). Представители петербургского большого света – реальные лица из пушкинского окружения – описаны полунамеками, но читатели легко узнавали в этих анонимных портретах реальных людей: «Старик, по-старому шутивший: / Отменно тонко и умно, / Что нынче несколько смешно» – его высокопревосходительство Иван Иванович Дмитриев, а «На эпиграммы падкий, / На все сердитый господин» – его сиятельство граф Гавриил Францевич Моден[25].

Другие современники поэта названы полными именами, если речь идет о публичной стороне их деятельности. На-

пример, «певец Пиров и грусти томной» – это Баратынский, как разъясняет сам Пушкин в 22-м примечании к «Евгению Онегину» (одно из самых известных произведений раннего Баратынского – поэма «Пиры»). «Другой поэт», который «роскошным слогом / Живописал нам первый снег», – это князь Вяземский, автор элегии «Первый снег», объясняет Пушкин в 27-м примечании. Но если тот же самый современник «выступает на страницах романа в качестве частного лица, поэт прибегает к звездочкам и сокращениям»[26]. Поэтому, когда с князем Вяземским встречается Татьяна, Пушкин сообщает: «К ней как-то В. подсел» (а не «К ней как-то Вяземский подсел», как печатают современные издания). Знаменитый пассаж «Du comme il faut (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)» не появлялся на свет в этом виде при жизни Пушкина. Сперва поэт намеревался использовать инициал «Ш.», но затем заменил его тремя астерисками[18]. Друг Пушкина и Баратынского Вильгельм Кюхельбекер полагал, что эти строки адресованы ему, и читал их: «Вильгельм, прости: / Не знаю, как перевести»[27]. Дописывая за автора имена, поданные в тексте только намеком, современные редакторы, заключает Шапир, одновременно нарушают нормы пушкинской этики и поэтики.

[18] Астериск – типографский знак в виде звездочки.

Когда происходят описанные в романе события и сколько лет героям?

Внутренняя хронология «Евгения Онегина» давно интригует читателей и исследователей. В какие годы происходит действие? Сколько лет героям в начале романа и в конце? Сам Пушкин ничтоже сумняшеся писал (и не где-нибудь, а в примечаниях, входящих в текст «Онегина»): «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (примечание 17). Но совпадает ли романное время с историческим? Посмотрим, что нам известно из текста.

Во время дуэли Онегину 26 лет («…Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов…»). Онегин расстался с Автором за год до этого. Если биография Автора повторяет пушкинскую, то это расставание произошло в 1820 году (в мае Пушкин был сослан на юг), а дуэль состоялась в 1821 году. Здесь возникает первая неувязка. Дуэль состоялась через два дня после именин Татьяны, а именины – Татьянин день – это 12 января (по старому стилю). Согласно тексту, именины праздновали в субботу (в черновиках – в четверг). Однако в 1821 году 12 января пришлось на среду. Впрочем, может быть, празднование именин перенесли на один из ближайших дней (субботу).

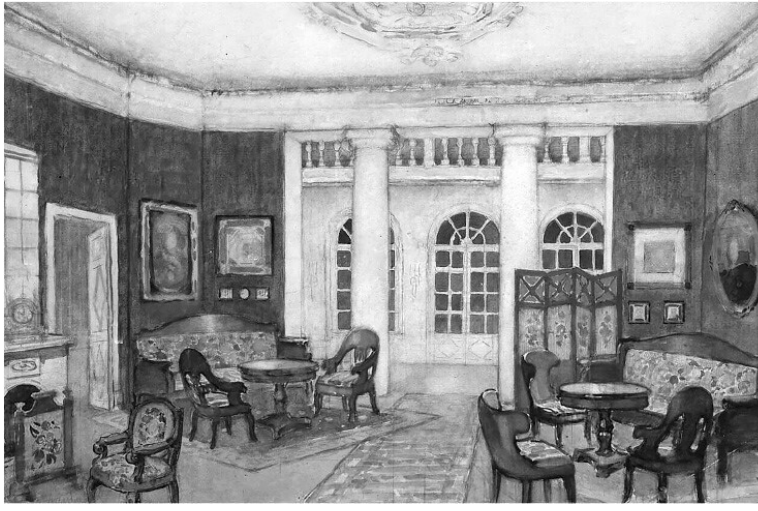
Если главные события (от приезда Онегина в деревню до дуэли) все-таки происходят в период с лета 1820-го до января 1821 года, то Онегин родился в 1795 или 1796 году (он на три-четыре года младше Вяземского и на три-четыре года старше Пушкина), а блистать в Петербурге начал, когда ему было «без малого осьмнадцать лет», – в 1813-м. Однако в предисловии к первому изданию первой главы прямо сказано, что «она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года» [28]. Конечно, мы можем это обстоятельство проигнорировать: в окончательный текст (издания 1833 и 1837 годов) эта дата не попала. Тем не менее описание столичной жизни в первой главе явно относится к концу 1810-х, а не к 1813-му, когда только-только закончилась Отечественная война и в самом разгаре была заграничная кампания против Наполеона. Балерина Истомина, чье выступление Онегин смотрит в театре, в 1813 году еще не танцевала; гусар Каверин, с которым Онегин кутит в ресторане Talon, еще не вернулся в Петербург из-за границы[29].

Несмотря ни на что, продолжаем отсчитывать от 1821 года. Когда в январе 1821 года Ленский погиб, ему было «осьмнадцать лет», стало быть, он родился в 1803-м. Когда родилась Татьяна, в тексте романа не говорится, но Пушкин сообщил Вяземскому, что письмо Татьяны Онегину, написанное летом 1820 года, – это «письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной». Тогда Татьяна тоже роди-

лась в 1803 году, а Ольга была ее младше на год, максимум на два (поскольку она уже невеста, ей не могло быть меньше пятнадцати). Кстати, когда родилась Татьяна, ее матери было вряд ли больше 25 лет, так что «старушке» Лариной на момент знакомства с Онегиным около сорока. Впрочем, указания на возраст Татьяны в окончательном тексте романа нет, так что не исключено, что все Ларины были на пару лет старше.

В Москву Татьяна попадает в конце января или в феврале 1822 года и (осенью?) выходит замуж. Тем временем Евгений странствует. Согласно печатным «Отрывкам из Путешествия Онегина», он приезжает в Бахчисарай через три года после Автора. Пушкин был там в 1820-м, Онегин, стало быть, – в 1823-м. В строфах, не включенных в печатный текст «Путешествия», Автор и Онегин встречаются в Одессе в 1823 или 1824 году и разъезжаются: Пушкин отправляется в Михайловское (это произошло в последних числах июля 1824 года), Онегин – в Петербург. На рауте осенью 1824 года он встречает Татьяну, которая замужем «около двух лет». Вроде бы все сходится, однако в 1824 году Татьяна не могла на этом рауте говорить с испанским послом, поскольку у России еще не было дипломатических отношений с Испанией[30]. Письмо Онегина Татьяне, за которым последовало их объяснение, датировано весной (мартом?) 1825 года. Но неужели этой знатной даме в момент финального свидания всего 22 года?

Таких мелких нестыковок в тексте романа немало. В свое время литературовед Иосиф Тойбин пришел к выводу, что в 17-м примечании поэт имел в виду не историческую, а сезонную хронологию (своевременную смену времен года внутри романного времени)[31]. По всей видимости, он был прав.

Петр Ламбин. Эскиз декораций к опере Петра Чайковского «Евгений Онегин». Начало 1900-х[19]

[19] Петр Ламбин. Эскиз декораций к опере Петра Чайковского «Евгений Онегин». Начало 1900-х. Музей театрального и музыкального искусства, Санкт-Петербург.

Как текст «Онегина», который мы знаем сегодня, соотносится с тем, который читали современники Пушкина?

Современники успели прочесть несколько вариантов «Онегина». В изданиях отдельных глав стихи сопровождались разного рода дополнительными текстами, из которых далеко не все попали в сводное издание. Так, предисловиями к отдельному изданию главы первой (1825) служили заметка «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено…» и драматическая сцена в стихах «Разговор книгопродавца с поэтом».

Первоначально Пушкин задумал более длинное сочинение, возможно даже в двенадцати главах (в конце отдельного издания главы шестой мы читаем: «Конец первой части»). Однако после 1830 года изменилось отношение автора к формам повествования (Пушкина теперь больше интересует проза), читателей к автору (Пушкин теряет популярность, публика считает, что он «исписался»), автора к публике (у него наступает разочарование в ее – хочется сказать «умственных способностях» – эстетической готовности принять «Онегина»). Поэтому Пушкин оборвал роман на полуслове, бывшую девятую главу напечатал как восьмую, быв-

шую восьмую («Путешествие Онегина») опубликовал в отрывках, поместив в конце текста после примечаний. Роман приобрел открытый финал, слегка закамуфлированный замкнутой зеркальной композицией (ее образует обмен героев письмами и возвращение к одесским впечатлениям первой главы в конце «Путешествия»).

Из текста первого сводного издания (1833) исключены: вступительная заметка к главе первой, «Разговор книгопродавца с поэтом» и некоторые строфы, печатавшиеся в изданиях отдельных глав. Примечания ко всем главам вынесены в специальный раздел. Посвящение Плетнёву, первоначально предпосланное сдвоенному изданию глав четвертой и пятой (1828), помещено в примечание 23. Только в последнем прижизненном издании (1837) мы находим привычную нам архитектонику[20]: посвящение Плетнёву становится посвящением всего романа.

В 1922 году Модест Гофман опубликовал монографию «Пропущенные строфы «Евгения Онегина». Началось изучение черновых редакций романа. В 1937 году, к столетию со дня смерти поэта, все известные печатные и рукописные варианты «Онегина» были напечатаны в шестом томе академического Полного собрания сочинений Пушкина (редактор тома – Борис Томашевский). В этом издании осуществлен

[20] Архитектоника – общая форма строения текста и взаимосвязи его частей. Понятие более крупного порядка, чем композиция – понимаемая как расположение и соотношение деталей внутри крупных частей текста.

принцип «послойного» прочтения и подачи вариантов черновых и беловых рукописей (от окончательных чтений к ранним вариантам).

Основной текст романа в этом же собрании напечатан «по изданию 1833 г. с расположением текста по изданию 1837 г.; цензурные и типографские искажения издания 1833 г. исправлены по автографам и предшествующим изданиям (отдельных глав и отрывков)»[32]. В дальнейшем в научных и массовых изданиях перепечатывался, за редчайшими исключениями и с некоторыми орфографическими вариациями, именно этот текст. Иначе говоря, критический текст «Евгения Онегина», к которому мы привыкли, не совпадает ни с одним из изданий, вышедших при жизни Пушкина.

А что же теперь, когда опубликованы рукописи романа, нам делать с пропущенными строфами: Нужно ли их восстанавливать в основном тексте?

Нет: они являются динамическим «эквивалентом» текста[33], на их место читатель волен подставить все что угодно (ср. с ролью импровизации в некоторых музыкальных жанрах). Более того, последовательно заполнить отточия невозможно: некоторые строфы или части строф сокращены, а другие никогда не были написаны.

Далее, некоторые строфы присутствуют в рукописях, но отсутствуют в печатном тексте. Есть строфы, имевшиеся в изданиях отдельных глав, но исключенные из сводного издания (например, развернутое сравнение «Евгения Онегина» с Гомеровой «Илиадой» в конце главы четвертой). Есть строфы, напечатанные отдельно как отрывки из «Евгения Онегина», но не вошедшие ни в отдельное издание соответствующей главы, ни в сводное издание. Таков, например, напечатанный в 1827 году в «Московском вестнике» отрывок «Женщины» – начальные строфы главы четвертой, которые в отдельном издании глав четвертой и пятой заменены сери-

ей номеров без текста.

Рукопись «Евгения Онегина». 1828 год[21]

Такая «непоследовательность» – не случайный недосмотр, а принцип. Роман наполнен парадоксами, превращающими историю создания текста в художественный прием. Автор играет с текстом, не только исключая фрагменты, но и, наоборот, включая их «на особых условиях». Так, в авторских примечаниях приведено начало строфы, не вошедшей в роман («Пора: перо покоя просит…»), а две заключительные строфы главы шестой в основном тексте и в примечаниях даны автором в разных редакциях.

[21] Рукопись «Евгения Онегина». 1828 год. Wikimedia Commons.

Была ли в «Евгении Онегине» так называемая десятая глава?

Пушкин писал свой роман, еще не зная, как он его закончит. Десятая глава – вариант продолжения, отвергнутый автором. Из-за своего содержания (политическая хроника рубежа 1810–1820-х годов, включающая описание заговорщиков-декабристов) десятая глава «Онегина», даже если бы она была окончена, вряд ли могла быть напечатана при жизни Пушкина, хотя имеются сведения, что он давал ее на прочтение Николаю I[34].

Глава писалась в Болдине и была сожжена автором 18 или 19 октября 1830 года (об этом есть пушкинская помета в одной из болдинских рабочих тетрадей). Однако написанное не было уничтожено полностью. Часть текста сохранилась в виде авторского шифра, который в 1910 году разгадал пушкинист Петр Морозов. Тайнопись скрывает только первые четверостишия 16 строф, но никак не фиксирует оставшиеся 10 строк каждой строфы. Кроме того, несколько строф уцелели в отдельном черновике и в сообщениях друзей поэта.

В результате от всей главы до нас дошел отрывок из 17 строф, ни одна из которых не известна нам в завершенном виде. Из них только две имеют полный состав (14 стихов) и только одна достоверно зарифмована по схеме онегинской

строфы. Порядок сохранившихся строф тоже не вполне очевиден. Во многих местах текст разобран гипотетически. Даже первая, едва ли не самая известная строчка десятой главы («Властитель слабый и лукавый» – об Александре I) читается лишь предположительно: у Пушкина в шифре записано «Вл.», что Набоков, например, расшифровывал как «Владыка»[35].

В «большом академическом издании» текст десятой главы (шифр, расшифровка и черновики отдельных строф) печатается только в разделе черновых редакций[36]. Решение печатать ее непосредственно после текста романа, реализованное во многих научно-массовых и массовых изданиях, неправомерно и принято исключительно по идеологическим причинам.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки реконструировать «полный текст» главы безосновательны и потому безрезультатны. Некоторые «реконструкции» представляют собой откровенную подделку.

Об «онегине» составляют целые тома комментариев. Зачем их читать?

В тексте романа есть масса подробностей, смысл которых от нас ускользает, тогда как современникам он был понятен с полуслова.

Онегин «как dandy лондонский одет» и «острижен по последней моде». А «по последней моде» – это как? Первые читатели сразу понимали, что, выйдя в свет, Онегин поменял длинную французскую стрижку à la Titus на короткую английскую, дендистскую[37]. С другой стороны, короткая английская стрижка противопоставлена романтической немецкой à la Шиллер. Такая прическа у Ленского, недавнего гёттингенского[22] студента: «кудри черные до плеч»[38]. Таким образом, Онегин и Ленский, во всем противоположные друг другу, отличаются даже прическами.

На светском рауте Татьяна «в малиновом берете / С послом испанским говорит». О чем свидетельствует эта знаменитая деталь? Неужели о том, что героиня забыла снять головной убор? Конечно, нет. Благодаря этой подробности Онегин понимает, что перед ним знатная дама и что

[22] Гёттингенский университет был одним из наиболее передовых учебных заведений того времени. Среди знакомых Пушкина было несколько выпускников Гёттингена, и все они отличались свободомыслием: декабрист Николай Тургенев и его брат Александр, лицейский учитель Пушкина Александр Куницын.

она замужем. Современный историк европейского костюма разъясняет, что берет «в России появился только в начале XIX века одновременно с другими западноевропейскими головными уборами, плотно охватывающими голову: парики и пудреные прически в XVIII веке исключали их употребление. В 1-й половине XIX века берет был только женским головным убором, и притом только замужних дам. Являвшийся частью парадного туалета, он не снимался ни на балах, ни в театре, ни на званых вечерах»[39]. Береты делались из атласа, бархата или иных тканей. Они могли быть украшены плюмажем или цветами. Носили их наискось, так что один край мог даже касаться плеча.

В ресторане Talon Онегин с Кавериным пьют «вино кометы». Что за вино? Это le vin de la Comète, шампанское урожая 1811 года, превосходное качество которого приписывали влиянию кометы, ныне именуемой C/1811 F1, – она была хорошо видна в Северном полушарии с августа по декабрь 1811 года[40].

Кроме того, в романе, который написан, казалось бы, тем же языком, каким говорим мы с вами, в действительности много устаревших слов и выражений. А почему они устаревают? Во-первых, потому, что меняется язык; во-вторых, потому, что меняется мир, который он описывает.

Вот во время дуэли слуга Онегина Гильо «за ближний пень становится». Как интерпретировать такое поведение? Все иллюстраторы изображают Гильо пристроившим-

ся невдалеке возле небольшого пенька. Все переводчики используют слова со значением «нижняя часть срубленного, спиленного или сломленного дерева». Точно так же трактует это место «Словарь языка Пушкина». Однако если Гильо боится погибнуть от случайной пули и надеется от нее укрыться, то зачем ему пень? Об этом никто не задумывался, пока лингвист Александр Пеньковский не показал на множестве текстов пушкинской эпохи, что в то время слово «пень» имело еще одно значение, помимо того, которое оно имеет сегодня, – это значение «ствол дерева» (не обязательно «срубленного, спиленного или сломленного»)[41].

Другая большая группа слов – это устаревшая лексика, обозначающая устаревшие реалии. В частности, в наши дни стал экзотикой гужевой транспорт – его хозяйственная роль нивелировалась, связанная с ним терминология ушла из общеупотребительного языка и сегодня по большей части неясна. Вспомним, как Ларины собираются в Москву. «На кляче тощей и косматой / Сидит форейтор бородатый». Форейтором (от нем. Vorreiter – тот, кто едет спереди, на передней лошади) обычно был подросток или даже маленький мальчик, чтобы лошади было проще его везти. Форейтор должен быть мальчиком, а у Лариных он «бородатый»: они так долго не выезжали и сидели сиднем в деревне, что у них уже и форейтор состарился[42]. Иначе говоря, мы имеем дело с утраченной, не опознаваемой сегодняшними читателями иронией: форейтор-то старый (а должен быть юный).

Таким образом, без специальных комментариев в одних случаях мы не понимаем, в чем суть характеристики, данной тому или иному персонажу, в других – не понимаем пушкинского юмора.

Какие комментарии к «Евгению Онегину» наиболее известны?

Первый опыт научного комментирования «Евгения Онегина» был предпринят еще в позапрошлом веке: в 1877 году писательница Анна Лачинова (1832–1914) издала под псевдонимом А. Вольский два выпуска «Объяснений и примечаний к роману А. С. Пушкина “Евгений Онегин”». Из монографических комментариев к «Онегину», опубликованных в XX столетии, наибольшее значение имеют три – Бродского, Набокова и Лотмана.

Самый известный из них – комментарий Юрия Лотмана (1922–1993), впервые опубликованный отдельной книгой в 1980 году. Книга состоит из двух частей. Первая – «Очерк дворянского быта онегинской поры» – представляет собой связное изложение норм и правил, регулировавших мировоззрение и бытовое поведение дворянина пушкинского времени. Вторая часть – собственно комментарий, движущийся за текстом от строфы к строфе и от главы к главе. Помимо объяснения непонятных слов и реалий, Лотман уделяет внимание литературному фону романа (металитературным полемикам, выплескивающимся на его страницы, и разнообразным цитатам, которыми он пронизан), а также истолковывает поведение героев, обнаруживая в их словах и действиях драматическое столкновение точек зрения и по-

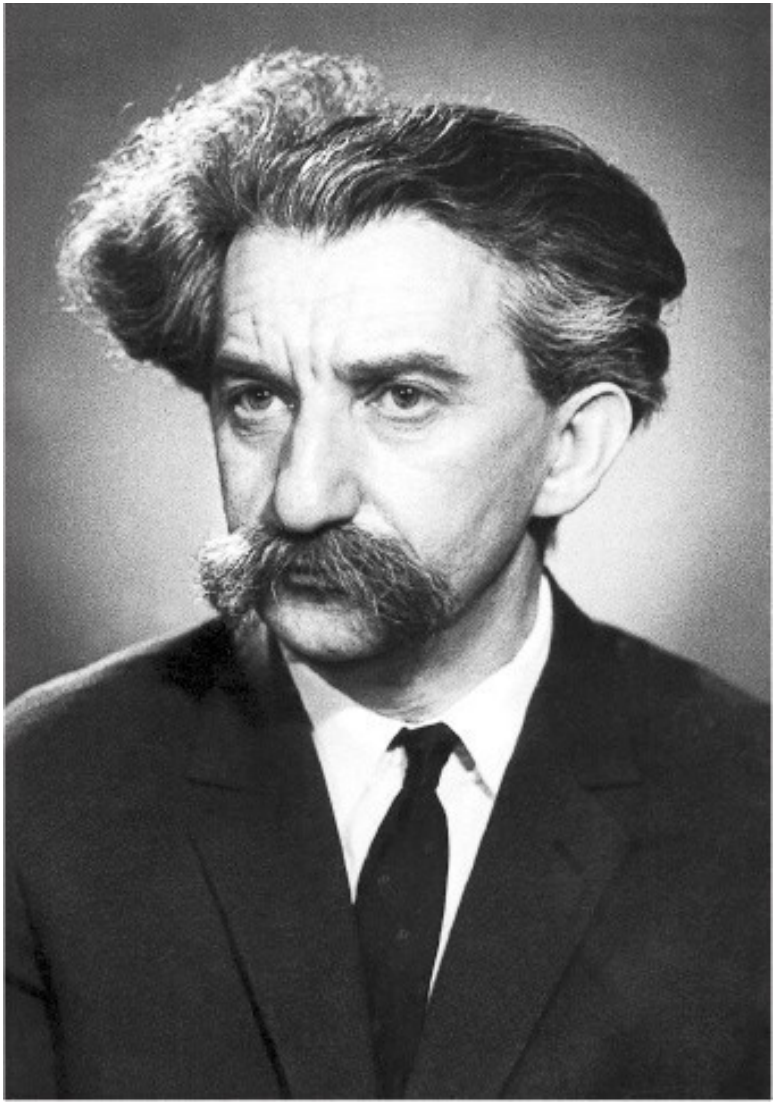
веденческих норм.

Так, Лотман показывает, что разговор Татьяны с няней – это комическое qui pro quo[23], в котором собеседницы, принадлежащие к двум разным социокультурным группам, употребляют слова «любовь» и «страсть» в совершенно разных смыслах (для няни «любовь» – это супружеская измена, для Татьяны – романтическое чувство). Комментатор убедительно демонстрирует, что, согласно авторскому замыслу, Онегин убил Ленского непреднамеренно, и это понимают по деталям рассказа читатели, знакомые с дуэльной практикой. Если бы Онегин хотел застрелить приятеля, он избрал бы совершенно иную дуэльную стратегию (Лотман рассказывает, какую именно).

Непосредственным предшественником Лотмана на обсуждаемом поприще был Николай Бродский (1881–1951). Первое, пробное издание его комментария вышло в 1932 году, последнее прижизненное – в 1950-м, затем несколько раз книга выходила посмертно, оставаясь главным пособием по изучению «Онегина» в университетах и пединститутах вплоть до выхода комментария Лотмана.

---

[23] «Кто вместо кого». Латинское выражение, обозначающее путаницу, недоразумение, когда одно принимается за другое. В театре этот прием используют для создания комической ситуации.

Юрий Лотман – автор самого известного комментария к «Евгению Онегину»[24]

Текст Бродского несет на себе глубокие следы вульгарного социологизма[25]. Чего стоит одно только пояснение к слову «боливар»: «Шляпа (с большими полями, кверху расширявшийся цилиндр) в честь деятеля национально-освободительного движения в Южной Америке, Симона Боливара (1783–1830), была модной в той среде, которая следила за политическими событиями, которая сочувствовала борьбе за независимость маленького народа» [43]. Иногда комментарий Бродского страдает от чересчур прямолинейного толкования тех или иных пассажей. Например, о строке «Ревнивый шепот модных жен» он всерьез пишет: «Бегло брошенным образом “модной жены” Пушкин подчеркнул разложение семейных устоев в… светском кругу»[44].

[24] Юрий Лотман. University of Tartu.

[25] В рамках марксистской методологии – упрощенное, догматическое толкование текста, который понимается как буквальная иллюстрация политических и экономических идей.

Самый объемный и полный комментарий к роману (сделанный вместе с подстрочным его переводом на английский) принадлежит Владимиру Набокову[26]

Тем не менее Набоков, потешавшийся над натянутыми интерпретациями и удручающе корявым стилем Бродского, был, конечно, не совсем прав, обзывая его «невежественным компилятором» – «uninformed compiler»[45]. Если исключить предсказуемые «советизмы», которые можно счесть неизбежными приметами времени, в книге Бродского можно найти достаточно добротный реальный и историко-культурный комментарий к тексту романа.

Четырехтомный труд Владимира Набокова (1899–1977) вышел первым изданием в 1964 году, вторым (исправленным) – в 1975-м. Первый том занят подстрочным переводом «Онегина» на английский язык, второй и третий – англоязычным комментарием, четвертый – указателями и репринтом русского текста. Набоковский комментарий был переведен на русский язык поздно; опубликованные в 1998–1999 годах русские переводы комментария (их два) трудно признать удачными.

Мало того, что комментарий Набокова превосходит по объему работы других комментаторов, – сам набоковский перевод тоже выполняет комментаторские функции, интерпретируя те или иные слова и выражения в тексте «Евге-

[26] Владимир Набоков. 1974 год. © Getty Images.

ния Онегина». Например, все комментаторы, кроме Набокова, разъясняют значение прилагательного в строке «В своей коляске выписной». «Выписной» значит «выписанный из-за границы». Это слово вытеснено в современном языке новым словом с тем же значением, теперь вместо него используется заимствованное «импортный». Набоков ничего не поясняет, а просто переводит: «imported».

Объем идентифицированных Набоковым литературных цитат и приведенных им художественных и мемуарных параллелей к тексту романа не превзойден никем из предшествующих и последующих комментаторов, и это неудивительно: Набоков как никто другой чувствовал себя at home[27] не только в русской литературе, но и в европейских (особенно французской и английской).

Наконец, Набоков был единственным комментатором «Онегина» в XX веке, кто знал быт русской дворянской усадьбы не понаслышке, а из собственного опыта и легко понимал многое из того, что не улавливали советские филологи. К сожалению, внушительный объем набоковского комментария создается не только за счет полезной и нужной информации, но и благодаря множеству сведений, имеющих самое отдаленное отношение к комментируемому произведению[46]. Но читать все равно очень интересно!

Помимо комментариев, современный читатель может найти объяснения непонятных слов и выражений в «Слова-

[27] Как дома (*англ.*).

ре языка Пушкина» (первое издание – рубеж 1950–1960-х годов; дополнения – 1982 год; сводное издание – 2000-й). В создании словаря участвовали выдающиеся лингвисты и пушкинисты, ранее подготовившие «большое академическое» издание Пушкина: Виктор Виноградов, Григорий Винокур, Борис Томашевский, Сергей Бонди. Кроме перечисленных справочников существует множество историко-литературных и историко-лингвистических работ, одна только библиография которых занимает увесистый том.

Почему они не всегда помогают? Потому что различия между нашим языком и языком начала XIX века не точечные, а сквозные и с каждым десятилетием они только нарастают, подобно «культурным слоям» на городских улицах. Никакой комментарий не может исчерпать текста, но даже минимально необходимый для понимания комментарий к текстам пушкинской эпохи уже должен быть построчным (а может быть, даже пословным) и многосторонним (реальный комментарий, историко-лингвистический, историко-литературный, стиховедческий, текстологический). Такой комментарий не создан даже для «Евгения Онегина».

Какие сценические и экранные версии «Онегина» наиболее соответствуют оригиналу?

«Евгений Онегин» – роман, который с трудом поддается адаптации для сцены и экрана. Опера Петра Чайковского «Евгений Онегин» (1878), при всей ее огромной популярности (которую она, кстати сказать, приобрела далеко не сразу), – это произведение «по мотивам» пушкинского романа, а не попытка его адекватной передачи музыкально-сценическими средствами. Как указано в либретто, текст в опере – не «А. С. Пушкина», а «по А. С. Пушкину»[47]. Текст этот, сочиненный Константином Шиловским при участии самого композитора, не раз подвергался критике за неаутентичность. Пожалуй, резче всех отзывался о Чайковском Владимир Набоков, называвший либретто бредовым – «lunatic»[48] и состряпанным наспех – «concocted»[49], а саму оперу глупой – «silly»[50] и халтурной – «slapdash»[51].

Тем не менее читатели и слушатели нередко путают текст и персонажей Пушкина и Чайковского. У Пушкина нет князя Грёмина – мужа Татьяны зовут «князь N». Князь N не произносит слов «Онегин, я скрывать не стану: / Безумно я люблю Татьяну!» – эти слова поет князь Грёмин. Песня девушек есть и в романе, и в опере, а вот крестьянской песни

с припевом «Вайну, вайну, вайну, вайну» у Пушкина нет и не было. Зато романс «Слыхали ль вы за рощей глас ночной…» у Пушкина есть: он написал его в 1816 году и опубликовал в 1817-м. Но в текст «Евгения Онегина» он его не включал – петь этот романс Татьяне и Ольге поручил Чайковский.

Кинематографическая онегиниана немногим длиннее оперной. Сцены из оперы Чайковского снимались на пленку с граммофонным сопровождением в 1911 и 1915 годах. В 1958 году полнометражный цветной художественный фильм-оперу по Чайковскому поставил на киностудии «Ленфильм» Роман Тихомиров. Главные сольные партии исполняют звезды Большого театра, но на экране мы видим не их: так, роли Татьяны и Ольги исполняют Ариадна Шенгелая и Светлана Немоляева, а поют «за них» Галина Вишневская и Лариса Авдеева.

К 200-летию Пушкина появился англо-американский художественный фильм «Onegin» с Рэйфом Файнсом и Лив Тайлер в главных ролях. Сняла фильм сестра Файнса Марта (ее режиссерский дебют). Лента прославилась яркими анахронизмами, главное место среди которых принадлежит, пожалуй, исполнению Ленским и Ольгой песни «Ой, цветет калина» из кинофильма «Кубанские казаки» (1950; композитор Исаак Дунаевский).

На театральной сцене «Онегина» ставят редко. В 1936 году Александр Таиров задумал, но не осуществил постановку «Евгения Онегина» в московском Камерном театре; музы-

ку к спектаклю написал Сергей Прокофьев. На рубеже прошедшего и нынешнего столетий спектакли по пушкинскому роману ставили Анатолий Васильев («Школа драматического искусства», 1995), Юрий Любимов (Театр на Таганке, 2000), Римас Туминас (Театр имени Евгения Вахтангова, 2013) и некоторые другие, очень немногие режиссеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. IV. С. 425.

2.
Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки (1960–1990). «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство – СПБ, 1995. С. 195.

3.
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 13. С. 73.

4.
Там же. С. 180.

5.
Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 196.

6.
Шапир М. И. Статьи о Пушкине. – М.: Языки славянских культур, 2009. С. 192.

7.
Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 7. С. 431.

8.
Там же. С. 445.

9.
Там же. С. 503.

10.
Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. – М.: Наука, 2003. Т. 7. С. 225, 230, 252.

11.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880, август. Глава вторая. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. – СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 429.

12.
Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 4. С. 503.

13.
Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 430.

14.
Там же.

15.
Вдовин А. В., Лейбов Р. Г. Пушкин в школе: curriculum и литературный канон в XIX веке // Лотмановский сборник 4. – М.: ОГИ, 2014. С. 251.

16.
Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 4. С. 501.

17.
Там же. С. 265.

18.
Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 43/44. С. 598.

19.
Сперантов В. В. Miscellanea poetologica: 1. Был ли кн. Шаликов изобретателем «онегинской строфы»? // Philologica. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 125–131.

20.
Гроссман Л. П. Онегинская строфа // Пушкин / Ред. Н. К. Пиксанова. – М.: Госиздат, 1924. Сб. 1. С. 125–131.

21.

Гаспаров М. Л. Онегинская строфа // Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. – М.: Фортуна Лимитед, 2001. С. 178.

22.
Томашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина»: История разгадки // Литературное наследство. – М.: Жур. – газ. объединение, 1934. Т. 16/18. С. 379–420. С. 386.

23.
Шапир М. И. Указ. соч. С. 82–83.

24.
Гаспаров М. Л. Онегинская строфа. С. 178.

25.
Шапир М. И. Указ. соч. С. 285–287; Вацуро В. Э. Комментарии: И. И. Дмитриев // Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. С. 445; Проскурин О. А. / o-proskurin.livejournal.com/59236.html.

26.
Шапир М. И. Указ. соч. С. 282.

27.
Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 715.

28.
Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 6. С. 638.

29.
Баевский В. С. Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1983. Т. XI. С. 115–130. С. 117.

30.
Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin / Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. In 4 vols. N.Y.: Bollingen, 1964. Vol. 3. P. 83; Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 718.

31.
Тойбин И. М. «Евгений Онегин»: поэзия и история // Пушкин: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1979. Т. IX. С. 93.

32.
Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 6. С. 660.

33.
Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.:

Наука, 1977. С. 60.

34.
Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 745.

35.
Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. Vol. 1. P. 318–319.

36.
Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 6. С. 520–526.

37.
Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 550, 592.

38.
Мурьянов М. Ф. Портрет Ленского // Вопросы литературы. 1997. № 6. С. 102–122.

39.
Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX в. (Опыт энциклопедии). – М.: БСЭ, 1995. С. 37.

40.
Кузнецов Н. Н. Вино кометы // Пушкин и его современники:

Материалы и исследования. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. XXXVIII/XXXIX. С. 71–75.

41.
Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. – М.: Знак, 2012. С. 533–546.

42.
Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. – М.: Языки славянских культур, 2008. С. 160–169.

43.
Бродский Н. Л. «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1964. С. 68–69.

44.
Там же. С. 90.

45.
Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. Vol. 2. P. 246.

46.
Чуковский К. И. Онегин на чужбине // Чуковский К. И. Высокое искусство. – М.: Сов. писатель, 1988. С. 337–341.

47.
Евгений Онегин П. И. Чайковского. – М.: Гос. муз. изд-во, 1963. С. 7.

48.
Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. Vol. 2. P. 334.

49.
Ibid. Vol. 3. P. 241.

50.
Ibid. Vol. 2. P. 333.

51.
Ibid. Vol. 2. P. 530.